

ХРИСТИАНСКАЯ ОБРАЗНОСТЬ В ЛИРИКЕ А.Н. АПУХТИНА

© 2025

Г.М. Маматов, В.Е. Угрюмов

Маматов Глеб Максимович, SPIN-код: 8404-8556, ORCID: 0000-0003-0625-3853, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет (Российская Федерация, 630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20), g.m.mamatov@yandex.ru;

Владимир Евгеньевич Угрюмов, SPIN-код: 7335-5094, ORCID: 0000-0002-5455-7109, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Новосибирский государственный технический университет (Российская Федерация, 630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20), v.u7@mail.ru.

Статья поступила в редакцию: 23.01.2025

Статья принята к публикации: 14.03.2025

В статье исследуется художественное воплощение христианских ценностей в творчестве А.Н. Апухтина. Выделены четыре основных значения образа Христа в его лирике. Во-первых, Спаситель упоминается в стихотворениях на военную тематику, где также значим образ Бога. Если в более ранних текстах Господь – это спаситель и покровитель России и русских воинов, то в более поздних произведениях, посвящённых войне с Турцией, сражение между людьми разных вероисповеданий видится как бесчеловечная резня, которая противоречит первой заповеди и Христа, и Аллаха: Не убий! Во-вторых, Спасителю посвящён ряд стихотворений на сюжеты Нового Завета. В данных произведениях полностью нивелируется человеческое начало и утверждается исключительно божественное в фигуре Спасителя – духовного идеала для человечества, чудо Его Воскрешения видится как начало преображения мира. В-третьих, путь Христа, терновый венец и Голгофа символизируют путь поэта-пророка, сам Иисус становится символическим «двойником» поэта-в-мире, что продолжает тему стихотворения А.С. Пушкина «Пророк». В-четвёртых, рассматриваются образы Отца и Сына в лирическом цикле «Реквием», в котором Христос представлен искупителем грехов человечества, «чтобы мир был спасён», а Бог-Отец выступает как беспощадная и карающая сущность, испытывающая мир страданием и болью.

Ключевые слова: А.Н. Апухтин, религиозная поэзия, образ Христа, христианские ценности, мотив, новозаветные сюжеты, символика.

Введение

Исследуя творчество А.Н. Апухтина, П.А. Гапоненко отмечал, что в его литературном наследии «отчётливо выделяются интимно-повествовательная лирика и романсный жанр», а его стихотворные дневники, монологи и послания – исповеди с «неподдельной задушевностью, искренностью, тончайшим психологизмом» [Гапоненко 1996, с. 8–9]. Данная мысль иллюстрирует и специфику поэтики Апухтина, и основные направления научных работ о его творчестве. Борисова И.В., Юхнова И.С., Яницкая С.С. исследуют значение музыки в лирике поэта, активно изучаются пространственная структура (топосы Венеции [Меднис 1999, с. 162–164] и Санкт-Петербурга [Ляпина 2005, с. 116–122]), мифопоэтика и фольклорные традиции [Вигерина 2021, с. 365–369], интертекстуальные связи и пушкинские мотивы в стихах Апухтина [Жукова 1999, с. 88–90]. Довольно подробно проанализированы языковые приёмы и главные мировоззренческие вопросы, поднятые в его лирике, чему посвящены исследования Алёшиной Л.В., Булоховой М.И., Юхновой И.С. Особый вопрос – христианские взгляды поэта. Д.С. Мережковский отмечал в его творчестве «возрождение свободного религиозного чувства» [Мережковский 1914, с. 321]. К исследованию христианской символики в стихах поэта обращались Сапронова А.Ю., Павловская О.А., но специфика образа Спасителя в лирике Апухтина остаётся актуальным вопросом. Перед непосредственным анализом выделим главные мотивные комплексы, которые будут изучены в дальнейшем.

1. Образ Христа в батальной лирике Апухтина.
2. Стихотворения на сюжеты Нового Завета.
3. Мотив пути поэта-пророка (пушкинская традиция).
4. Разочарование в Боге в лирике 1860–1880-ых гг.

Христианские ценности в батальной лирике А.Н. Апухтина

В ранней поэзии Апухтина образ Христа возникает в батальных стихотворениях, посвящённых русскому воинству. При их анализе выясняется, что впервые религиозная тематика затрагивается в стихотворении «Солдатская песня о Севастополе» (1869), где воспет подвиг русского воина, защищавшего отечество во время Крымской войны: «Я спую, как росла богатырская рать, / Шли бойцы из железа

и стали, / И как знали они, что идут умирать, / И как свято они умирали! / <...> / И одиннадцать месяцев длилась резня, / И одиннадцать месяцев целых / Чудотворная крепость, Россию храня, / Хоронила сынов её смелых» [Апухтин 1991, с. 151–152]. Это крупное стихотворение написано в эпическом стиле. Его композиция является кольцевой. Строфа, начинающая песню, практически полностью повторяется в её финале (3–4 стихи одинаковы, строчки № 1 и 2 немного различаются):

Не весёлую, братцы, вам песню спою,
Не могучую песню победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды.
<...>
Пусть нерадостна песня, что вам я пою,
Да не хуже той песни победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды

[Апухтин 1991, с. 214–215].

Отличие проявляется во втором стихе, где прилагательное «могучую» сменяется на выражение «да не хуже», что трансформирует начальную трагическую тональность в жизнеутверждающую. Сеча с сильным врагом, имевшая в реальности неоднозначный итог, осмысливается как великая победа. Для эпичности поэт использует и образ лирического героя-певца, подобного гуслиарю-Бояну, лексические повторы и анафоры. Весьма любопытен анжамбеман, состоящий из двух паронимов в конце третьего стиха и в начале следующего за ним четвертого в восьмом катрене: «Чудотворная крепость, Россию храня, / Хоронила сынов её смелых...» [Апухтин 1991, с. 151]. Россия хранима Богом, но это стоит жизни многим её сынам, которые, погибая, хранят крепость России, и Родина хоронит своих сынов, в этом проявляются гордость за Отечество и горечь от потерь, что можно рассматривать как христианское понимание жизни. Эпическое начало проявляется и в чередовании стихов четырёхстопного и трёхстопного анапеста, использовании слов, характерных для былин и их позднейших переложений (дружина, богатырская рать, чудотворная крепость,

могучая песня). Защита «чудотворной крепости» России для Апухтина – священный долг, богово дело, потому Бог покровительствует российским войскам.

В двухчастном цикле «Во время войны» (1877) мы наблюдаем осмысление поэтом христианских ценностей в личностном, человеческом понимании. В стихотворении «Равнодушный» (1877) рассказ ведётся от лица ветерана войны, случайно «забредаящего» в храм. Слово Божие вызывает в душе воина живой отклик и воспоминание о Христе, за которого бьётся русское войско с турками: «Какая же молитва потрясла / Все струны в сердце горделивом? / О воинстве христолубивом / Молитва та была» [Апухтин 1991, с. 205]. В начинающем цикл произведении «Братьям» (1877) война – это бессмысленная резня. Ибо Христос – это любовь к ближнему, а не «кровавая жертва». Лирический герой молит Бога о вразумлении человечества. Для православных и мусульман Бог един – на это указывает поэт:

О Господи! Лютой пылая враждой,
Два стана давно уж стоят пред тобой, –
О помощи молят Тебя их уста,
Один за Аллаха, другой за Христа.
Без устали, дружно во имя Твоё
Работают пушка, и штык, и ружьё...
Но, Боже! один Ты, и вера одна,
Кровавая жертва Тебе не нужна
[Апухтин 1991, с. 206].

В этом произведении проявляются гуманистические взгляды поэта. Стихотворения обращены и к братьям-соплеменникам, и ко всем сторонам конфликта. Человечество осмысливается Апухтиным как братство, которому дарована прекрасная земля. Трагедия заключается в слепоте и ненависти, в том, что под «прикрытием» Христа и Аллаха братья убивают друг друга, нарушая заповеди пророков: «Яви же борцам негодующий лик, / Скажи им, что мир твой хорош и велик, / И слово забытое братской любви / В сердцах, омраченных враждой, оживи!» [Апухтин 1991, с. 206].

Стихотворения на сюжеты Нового Завета

Особое место в поэзии Апухтина занимают стихи на библейские сюжеты. Впервые к образу Христа он обращается в раннем стихотворении «Голгофа» (1855), имеющем 3 смысловые части: распятие, «римский» эпизод и Воскресение. Этот текст насыщен аллюзиями к Новому Завету: «Распятый на кресте нечистыми руками, / Меж двух разбойников Сын божий умирал. / Кругом мучители нестройными толпами, / У ног рыдала мать; девятый час настал» [Апухтин 1991, с. 53]. Очевидна аллюзия к умыванию рук Понтием Пилатом, что в богословии трактуется как признание римским префектом Иудеи невиновности Христа [Златоуст 2010, с. 258–259]. В стихотворении акцентируется внимание на библейской символике нечистых рук, распявших Сына Божьего. Интересна аллюзия к седьмой главе Евангелия от Марка, в которой Иисус уличает фарисеев в том, что они моют руки и чашки для еды, но нечисты действия и мысли, исходящие из них, а значит, и руки, совершающие эти действия, нечисты: «Ибо извнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства...» (Мр. 7:21). Важно указание на время. Наступление девятого часа знаменует начало природных катаклизмов: «И тьма объяла землю. / И гром гремел, и, гласу гнева внемля, / Евреи в страхе пали ниц... / И дрогнула земля, разверзлась тьма гробниц, / И мёртвые, восстав, явились живыми» [Апухтин 1991, с. 53]. Апухтин пишет в традициях русской религиозной мысли: одно несправедное деяние, горе одного человека погружают в хаос весь мир. Возникают аллюзии к солнечному затмению и землетрясению во время распятия Христа, которые трактуются богословами как небесное знамение: «Притом тьма эта была вселенскою, а не частичною, как, например, в Египте, – дабы явно было, что тварь соболезнует страданию Творца и что отступил от иудеев свет» [Болгарский 2018, с. 142]. Подчеркнуты божественная природа Христа-Спасителя и связь распятия с гневом Божиим по всей земле. Поэт художественно переосмысливает евангельскую мистерию и придает ей новую значительную выразительность.

Рассмотрим следующие стихи из второй – «римской» – части стихотворения: «Народ блуждал во тьме порока, / Неслись стенания с земли. / Всё ждало истины... / И скоро от Востока / Пришельцы новое ученье принесли» [Апухтин 1991, с. 54]. Этот эпизод необходим для

описания ситуации, предшествовавшей чуду Воскрешения. Толпа показана как равнозначная языческому человечеству в библейских традициях, она не в состоянии обрести свет веры. Важен стих «Всё ждало истины...», оканчивающийся фигурой умолчания. Поэт вводит тему ожидания истины, освещающей смысл бытия, – тема Воскрешения: «И нищий жизнь благословил, / И в запустении богатого обитель, / И в прахе идола, а в храмах Бога сил / Сияет на кресте голгофский Искупитель!» [Апухтин 1991, с. 54]. Композиция стихотворения имеет антиномичное строение. В первой строфе возникает распятый Иисус, униженный чернью, а в финале Он предстаёт в зените славы, величия, сияет, что противопоставляется затмению солнца в первых строфах. Здесь наблюдается гуманистическое и евангельское видение жизни, когда Преображение и Воскресение Сына человеческого и Сына Божьего связаны со светом жизни и поставлены в центр вселенной. В ортодоксальной культуре Иисус – лучезарное светило, сияние Его веры знаменует победу жизни над смертью.

Обратимся к стихотворению «Моление о чаше» (1868). Полный анализ этого текста осуществлён О.А. Павловской. Нельзя не согласиться с её мнением о «редуцировании» библейского сюжета, который структурируется с опорой на Евангелия от Матфея и Луки [Павловская 2023, с. 654]. Важны замечания об одиночестве Христа [Павловская 2023, с. 654–655]: «В саду Гефсиманском стоял он один, / Предсмертною мукой томимый. / Отцу всеблагому в тоске нестерпимой / Молился страдающий сын» [Апухтин 1991, с. 145]. Изображение Его одиночества в страдании подчёркивает психологическое напряжение. Далее возникают апостолы, что противоречит фразе: «Стоял он один», но здесь очевидна божественность Спасителя как истинного света, выделяющая Его на фоне учеников, ещё не обретших свою божественность. Тема одиночества Христа как выражение Его небесной природы и духовной мощи – аллюзия к Евангелию от Иоанна: «Никто не восходил на небо, как только спешший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах» (Ин. 3:13). Крепкий сон апостолов олицетворяет «скованное дремой» человечество, он противопоставлен бодрствующему духу Христа, торжественному чувству в себе Отца и себя в Нём. Хрестоматийная фраза: «Дух бодр, а плоть немощна» сокращена: «И шёл он к апостолам с думой тревожной, / Но, скованы тяжкою дрёмой, / Апостолы спали под тенью оливы, / И тихо сказал он им: “Как не могли вы / Единого часа побдети со мной? / Молитесь! Плоть немощна ваша!..”» [Апухтин 1991, с. 146].

Герой осуждает слабость человеческой природы, представленной в образе апостолов, небесная сущность Христа возведена в истинный идеал: «О, если б я мог / В саду Гефсиманском явиться с мольбами, / И видеть следы от Божественных ног, / И жгучими плакать слезами! / О, если б я мог / Упасть на холодный песок / И землю лобзать ту свя-тую, / Где так одиноко страдала любовь, / Где пот от лица Его падал как кровь, / Где чашу Он ждал роковую!» [Апухтин 1991, с. 146].

Образ Христа воспринят поэтом через призму национального мировоззрения, основанного на традициях православия и русской религиозной мысли. Творческое постижение действительности в русской литературе предполагает авторское со-чувство с описываемым явлением: «Сочувственное постижение именно в русском мировоззрении делают доступными для исследователя глубины национального самосознания, когда мыслитель видит событие не как посторонний, а испытывает согласное с ним чувство – со-чувство» [Угрюмов 2014, с. 11]. Уже в XX веке на эти смыслы и ценности мировоззрения русского человека, отраженные в русской классической литературе, укажет Семен Франк. Философ отзовется о данном явлении как об «интуитивном углублении и вчувствовании» и «сочувственном постижении» действительности, «познании через переживание» – это суть типично русского надындивидуального сознания [Франк 1996, с. 165]. Русский человек «в своем миропонимании живет так, будто находится всегда пред Богом» [Угрюмов 2014, с. 11]. Из этого восприятия жизни и рождаются известные нам понятия соборности и единства отдельных существований. «В центре духовных интересов всегда стоит человек, судьба человека и смысл человеческой жизни» [Франк 1996, с. 165]. Душа русского писателя – частица соборности, единства всех жизней. Такое восприятие реальности объясняет внимание Апухтина к фигуре Христа в момент моления о чаше и в момент Голгофы. Со-чувство Христа миру и отсутствие этого у апостолов подчеркивает пронзительность Его одиночества. Это сочувствие, практически эмпатическое, проявляется в том, что во многих стихотворениях поэт жалеет и всё человечество¹.

¹ Данная жалостливая тональность характерна для многих стихотворений Апухтина, написанных в 1868 г., в которых несчастье одного человека видится как страдание всех людей в мире. Примером может быть стихотворение «Ночь в Монплезире», созданное после «Моления о

58

Мотив пути поэта-пророка

Голгофа Христа у поэта символизирует путь творчества, который имеет пророческое значение. В стихах об искусстве Апухтин использует метафору тернового венца, восходящую к «Смерти поэта» (1837) М.Ю. Лермонтова, где этот образ – библейская аллюзия. В послании П.И. Чайковскому (1877) терновые иглы – символ препятствий, стоящих на пути творца: «О, знаю, знаю я, как жёстко и давно / Тебе за это мстил какой-то рок суровый / И сколько в твой венец лавровый / Колючих терний вплетено» [Апухтин 1991, с. 206]. В миниатюре «Современным витиям» (1861) герой желает пройти путь пророка, неся свой крест, что, безусловно, отсылает к Голгофе: «Как монах, творя обет желанный, / Я б хотел по знойному пути / К берегам земли обетованной / По песку горячему идти; / <...> Чтоб глаза слипались от дороги, / Чтоб сгорали жаждою уста, / Чтоб мои подкашивались ноги / Под тяжелым бременем креста» [Апухтин 1991, с. 130–131]. В этом стихотворении можно говорить о влиянии миниатюры А.С. Пушкина «Пророк», аллюзии к которому обнаруживаются на мотивно-образном уровне (путь, страдания, жара, пустыня). Но если Пушкин обращается к ветхозаветной символике из «Книги Исайи» [Благой 1967, с. 173], то у Апухтина главный герой напоминает новозаветного пророка, близкого Христу и апостолам, на что также указывают мотивы отречения от благ, умерщвления плоти и несения своего креста: «Чтобы слезы падали ручьями, / Чтоб от веры трепетала грудь, / Чтоб с пути, пробитого веками, / Мне ни разу не пришлось свернуть!» [Апухтин 1991, с. 130]. Важен образ «пути, пробитого веками», который можно трактовать как символ преемственности между истинными поэтами-пророками, рождающимися в разные эпохи и имеющими единое земное предназначение «глаголом жечь сердца людей». Апухтинский поэт, несущий крест, продолжает дело библейских пророков, пушкинского и лермонтовского героев, при этом в

чаше»: «Чего же хочешь ты, бушующее море, / От бедных жителей земных? / Кому ты шлешь свои веленья? / И в этот час, когда весь мир затих, / Кто выдвинул мятежное волненье / Из недр неведомых твоих? / <...> / Вдруг поднимается нежданное волненье: / Зачем весь этот блеск, откуда этот шум? / Что значит этих бурных дум / Неодолимое стремленье?» [Апухтин 1991, с. 147].

стихотворении очень важна тема истиноведения, которым делится настоящий творец с умеющими слышать; это противопоставляется бездушной реальности сильных мира сего, окружающих поэта: «Посреди гнетущих и послушных, / Посреди злодеев и рабов / Я устал от ваших фраз бездушных, / От дрожащих ненавистью слов!» [Апухтин 1991, с. 130].

Название стихотворения «Оглашении, изыдите!» (1883) восходит к древнему обряду, когда последователи Христа, ещё не принявшие крещения, могли молиться в притворе храма во время Литургии, пока диакон не говорил: «Оглашенные, изыдите». У Апухтина оглашенный – поэт-пророк, близкий по духу и истинной вере к Спасителю, но он не принимается в церковных стенах: «К земле бессильная склонилась голова, / И, весь дрожа под гнётом оскорбления, / Он слушает, исполненный смущенья, / Его клянущие слова» [Апухтин 1991, с. 232]. Апухтин осуждает напускное фарисейство паствы, истинная вера для него – это сердечная, живущая в глубинах души молитва («Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему» (Мф. 6:6)), в которую его герой погружается, эти живые слова не зафиксированы в книгах, но они рождены в сердце, как заповедовал Иисус жаждущим подлинной молитвы: «Что в долгих странствиях на сердце накопело, / О чем он мыслил, что любил – / Всё странник в жаркую молитву перелил / И в храм вступил походкою несмелой. / Но тут кругом раздался крик: / “Кто этот новый гость? Зачем в обитель Бога / Пришлец незнаемый проник? / Здесь места нет ему, долой его с порога!”» [Апухтин 1991, с. 232]².

Терновый венец упомянут в послании А.С. Даргомыжскому (1860), посвящённом Пушкину. Великий предшественник представ-

² Пространство храма в лирике Апухтина может быть связано с темой утешения, обретения истинного духовного спокойствия, что наблюдается в миниатюре «В дверях покинутого храма» (1870), где таинство венчания в наполненном синим сиянием храме возвышает душу и дарует ей возможность очиститься слезами, испытать катарсис от сердечной молитвы: «Людское горе забывая, / Душа смягчалась больная / И оживала в этот час... / И тихим, чистым упоеньем, / Как будто сладким сновиденьем, / Отвсюду веяло на нас» [Апухтин 1991, с. 199].

лен как обитатель царства теней, который при жизни был увенчан терновым венцом, но искусство – это сила, возрождающая его, помогающая разорвать цепи смерти-забвения и обрести вечное бессмертие в народной памяти: «Пускай всю жизнь его терзал венец терновый, / Пусть и теперь над ним звучит неправый суд, / Поэта песни не умрут: / Где замирает мысль и умолкает слово, / Там с новой силою аккорды потекут...» [Апухтин 1991, с. 170]. Путь художника-пророка – дорога, покрытая терниями, которая ведёт к бессмертию и преображению. Символом Творца-Мессии и стал для Апухтина А.С. Пушкин [Иезуитова 2003, с. 326].

Мотив разочарования в Боге в поздней лирике Апухтина 1860–1880-х гг.

Наше исследование мы закончим изучением темы разочарования в Боге в творчестве Апухтина 1860–1880-ых гг. Господь представлен как сила карающая и беспощадная, тогда как Христос – символ безграничной доброты и вселенской любви. Рассмотрим цикл «Реквием» из пяти частей, написанный в конце 1860-ых гг. Эпиграфом к нему служат стихи из католической заупокойной мессы, приведённые на латыни: «*Requiem aeternam dona eis, / Domine, et lux perpetua luce at eis*» («Вечный покой дай им, Господи, / И вечный свет их осияет») [Апухтин 1991, с. 156]. И. Барышникова писала, что этот цикл «в целом находится в русле православной традиции» [Барышникова 2010, с. 173]. Латинизмы («Реквием», «*Dies irae*») исследователь трактует как обусловленные «художественным замыслом: о дне кончины мира говорится на мёртвом языке» [Барышникова 2010, с. 173]. Эта мысль представляется спорной. В эпиграфе подчёркнута идея победы света над тьмой, добра над злом, жизни над смертью, олицетворенная фигурой Спасителя в дни Страшного Суда. «Человек, венец создания», – провозглашает поэт, и «Реквием» Апухтина имеет оптимистичное звучание, строфа, где обыгрывается эпиграф, повторяется в начале и финале, что создаёт циклическую композицию: «Вечный покой отстрадавшему много томительных лет. / Пусть осияет раба Твоего нескончаемый свет! / Дай ему, Господи, дай ему, наша защита, покров, / Вечный покой со святыми Твоими во веки веков!» [Апухтин 1991, с. 156, 158]. Христос возникает как Судия, что близко к «Апокалипсису» Иоанна Богослова: «Дела и мысли строго разбирая,

/ Воссядет Вечный Судия, / Прочтётся книга роковая, / Где вписаны все тайны бытия» [Апухтин 1991, с. 156]. Но если в мессе подразумевается всё человечество, наказываемое за грехи, то в стихотворении акцент смещён на вечную борьбу с жизненными трудностями одного человека, грешника, который стал таким из-за слабости и небесной несправедливости: «Вот он, смотрите, лежит без дыханья... / Боже! к чему он родился и рос? / Эти сомненья, измены, страданья, – / Боже, зачем же он их перенёс?» [Апухтин 1991, с. 158].

Допустимо говорить о связи цикла с «Реквиемом» (1791) Вольфганга Амадея Моцарта, который хоть и является погребальной мессой, звучит жизнеутверждающе. Сближает их, например, зеркальная композиция (музыка первой части моцартовского «Реквиема» повторяется в финале («Introitus» и «Communio»), закольцовывает «Реквиемы» мотив «Lux aeterna» («вечный свет»). Образы музыкального «Реквиема» есть и в «Реквиеме» поэтическом (Мировая Труба, День Слёз (lacrimosa), День Гнева). Однако если у Моцарта Бог видится как духовный щит, Милосердный Судия, то в цикле Апухтина Он отнюдь не милосердный, а жестокий, ведь Бог посылает человеку мучения. Осмысление Христа как Сурового Судии связано с тем, что цикл написан уже во времена разочарования Апухтина в жизни³. Вместе с тем в «Реквиеме» Апухтина позитивная символика угадывается в пронизывающем весь цикл мотиве света, что также сближает его с мессой Моцарта. С другой стороны, Апухтин создаёт произведение, которое совершенно противоположно по содержанию идейной концепции традиционного музыкального реквиема. Если в последнем Бог высту-

³ Пессимистическое мировоззрение Апухтина проявляется не только в поздних религиозных стихотворениях, но и в пейзажных зарисовках, обычно представляющих собой описания пустого осеннего сада с умирающими цветами, как в миниатюре «Астрам» (1860): «Розы – вот те отцвели, да хоть жили... / Нечего вам помянуть пред кончиною: / Звезды весенние вам не светили, / Песней не тешились вы соловьиною...» [Апухтин 1991, с. 139]. Заметим, что даже стихотворения о весне у Апухтина посвящены смерти: «Погибну ль я в борьбе святой и честной / Иль просто так умру в объятьях сна – / Явился мне в моей могиле тесной, / Красавица, волшебница-весна!» («Опять весна, опять какой-то гений...» (1860)) [Апухтин 1991, с. 98].

пает как сила карающая, но справедливая, то для русского поэта Господь предстаёт как жестокосердный Судия, унижающий человека, что вводит в коннотативное поле рассматриваемого цикла явно критическое осмысление Бога. Несомненны аллюзии на Книгу Иова. Цикл Апухтина можно назвать *анти-реквиемом*, ибо Всевышний подвергается критике поэта: «В юную душу с мечтою и думой / Страсти нахлынули мутной волной... / “Надо бороться”, – сказали угрюмо / Те, что царили над юной душой. / Были усилья тревожны и жгучи, / Но не по силам пришла борьба. / Кто так устроил, что страсти могучи, / Кто так устроил, что воля слаба?» [Апухтин 1991, с. 157]. Все христианские доводы о необходимости нести смиренно свой крест подвергаются резкому осуждению лирическим героем Апухтина, что явно противоречит его более ранним стихотворениям, где провозглашается необходимость каждому нести свой крест, как бы он ни был тяжёл («Современным витиям»).

Весьма примечательно отношение к Богу в поздней поэме Апухтина «Год в монастыре» (1883). Лирический герой сбегает в святую обитель ради обретения покоя, но в монастыре он встречает женщину, которую принимает за свою возлюбленную, что влечет за собой необходимость борьбы с охватившей его страстью. Данный событийный ряд представляет инверсированный вариант сюжета о влюблённом монахе, но в поэме изменён образ главного героя, которым становится не священник, а прихожанин, решивший искупить грехи. Вначале Бог воспринимается как символ безраздельной любви, и герой уверен в обретении благодати:

Жизнь монастырская без бурь и без страстей
Мне кажется каким-то сном беспечным.
Не слышу светских фраз, затверженных речей
С их вечной ложью и злословьем вечным,
Не вижу пошлых, злобных лиц...
Одно смущает: недостаток веры,
Но Бог поможет мне: Его любви нет меры
И милосердью нет границ!

[Апухтин 1991, с. 313].

Однако после встречи с таинственной незнакомкой отношение к Всесильному меняется. Герой постоянно молится, в словах его очевидно самобичевание: «Но Ты, извлекший мир из тьмы могильной, / О, сжался надо мной! – мой близится конец... / Как сына блудного прими меня, Отец! / Спаси, спаси меня, Всесильный!» [Апухтин 1991, с. 320]. В итоге он бежит из монастыря не в силах выдержать испытания плотью, что маркируется мотивом потерянного Рая и метафорически изображено как кораблекрушение перед Святой Землёй: «Мне монастырь святой / Казался пристанью надёжной, / Расстаться надо мне и с этою мечтой! / Напрасно переплыл я океан безбрежный, / Напрасно мой челнок от грозных спасся волн, – / На камни острые наткнулся он нежданно, / И хлынула вода, и тонет бедный чёлн / В виду земли обетованной» [Апухтин 1991, с. 321]. Страсть – непобедимое искушение, скала, о которую, как корабль, разбиваются надежды героя. Он ассоциирует себя с Адамом, а возлюбленную с Евой, что вводит тему грехопадения, которое невозможно замолить. Герой идёт на свою Голгофу, несёт свой крест, а Бог становится силой, покинувшей его и обрёкшей на мучительный путь. Происходит изгнание из Рая, что подчёркнуто параллелизмом: в первых строфах поэмы монастырский сад – Эдем, а в финале он показан как запущенный, покинутый; древом познания является тополь, чьи «молящиеся» ветви устремлены к горнему миру: «Я долго взором, полным муки, / Смотрел на тополь бедный мой. / Как бы молящие, беспомощные руки, / Он к небу ветви голые простер, / И листья желтые всю землю покрывали – / Символ забвенья и печали, / Рукою смерти вытканый ковер!» [Апухтин 1991, с. 327]⁴.

⁴ Во многих стихотворениях Апухтина 1860–1880-ых гг. важны мотивы увядания цветов и листопада, ассоциирующиеся с предчувствием смерти лирическим героем: «Когда-то цвел роскошный куст сирени / И розы пышные цвели. / Пришла весна; во славу новым розам / Запел, как прежде, соловей, / Но бедная сирень, охвачена морозом, / Не подняла своих ветвей. / А если к жизни вновь вернутся липы наши, / Не мы увидим их возврат, / И вместо нас, быть может, лучше, краше / Другие листья заблестят» («Осенние листья» (1868)) [Апухтин 1991, с. 148].

Выводы

В лирике А.Н. Апухтина образы Бога, Христа и христианские ценности занимают значимое место и имеют ряд неортодоксальных значений. Прежде всего, они возникают в стихотворениях о войне. Если в ранней лирике Бог выступает как защитник и покровитель русского воинства и Отечества, то в поздней поэзии раскрыта бессмысленная сущность войны. Поэт осознает людей, убивающих друг друга за веру, как слепцов, не ведающих своих деяний и нарушающих заповеди христианства. В ряде стихотворений на сюжеты Нового Завета Христос выступает как неугасимый духовный светоч, в Его образе доминирует божественное начало. Двуединство, которое подразумевается при анализе сюжетов распятия, моления в Гефсиманском саду, редуцируется, Иисус – Благая весть истинной веры. Но это восприятие изменяется в поздней пасхальной поэзии: лирический герой разочаровывается в невозможности преображения жизни. Это видение поэта основано на скорби Спасителя, отраженной в Евангелии. В стихотворениях Апухтина точно переданы тревога и одиночество Иисуса среди спящих апостолов, которые не внимают Его пророчествам. В то же время Апухтин продолжает традиции А.С. Пушкина в понимании поэзии как «божественного глагола» и подчеркивает равенство между пророком и поэтом. Образ Христа возникает в стихотворениях о божественной миссии творца, подобного пушкинскому пророку, «влачащемуся» в пустыне, а его преображение ассоциируется с воскресением для жизни вечной. Терновый венец на голове лирического героя Апухтина символизирует, с одной стороны, мнение «тупой, бессмысленной толпы», с другой – богоизбранничество и Христа, и поэта в тяжких испытаниях, ведущих к преображению и воскресению души в «заветной лире». Апухтин создаёт произведения о величии Божественной природы Спасителя в христианских традициях классической русской литературы. Он раскрывает образ Христа как идеального поэта, исполняющего гордо свою миссию, несмотря на духовные и физические испытания. Но в позднем творчестве Апухтина наблюдается разочарование лирического героя в Боге как Высшей Правде. Если Спаситель выступает как символ безграничной любви и добродетели, то Господь становится силой, испытывающей как отдельного героя, так и всё человечество в целом.

Здесь усматривается связь позднего творчества Апухтина с «Книгой Иова» и Евангельской историей.

Источники

Апухтин 1991 – Апухтин А.Н. Полное собрание стихотворений. М., 1991.

Литература

Барышникова 2010 – Барышникова И.Ю. Апокалипсис св. Иоанна Богослова в русской поэзии XIX–XX веков // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 3 (29). С. 171–177.

Благой 1967 – Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). М., 1967.

Болгарский 2018 – Болгарский Феофилакт. Толкование на Святое Евангелие Блаженного Феофилакта Болгарского. М., 2018.

Вигерина 2021 – Вигерина Л.И. Стихотворение А.Н. Апухтина «Памяти прошлого» (1886) в контексте фольклорной традиции похоронных заговоров и заклинаний // Царскосельские чтения. Материалы межд. конф. СПб., 2021. С. 365–369.

Гапоненко 1996 – Гапоненко П.А. «Душа моя полна тревоги и участия...». Заметки о поэзии А.Н. Апухтина // Русская речь. 1996. № 6. С. 7–12.

Жукова 1999 – Жукова И.М. От «Домика в Коломне» к «Венеции» (традиции А.С. Пушкина в творчестве А.Н. Апухтина) // Пушкин в меняющемся мире. Сб. матер. науч.-практ. конф. Курган, 1999. С. 88–90.

Златоуст 2010 – Златоуст И. Толкование на Евангелие от Матфея: в 2 т. Т. 1. М., 2010.

Иезуитова 2003 – Иезуитова Р.В. А.Н. Апухтин и Пушкин // Пушкин: исследования и материалы. СПб., 2003. С. 323–342.

Ляпина 2005 – Ляпина Л.Е. Петербург в поэзии А.Н. Апухтина // Петербургские чтения–2004. Сб. науч. трудов. СПб., 2005. С. 116–122.

Меднис 1999 – Меднис Н.Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999.

Мережковский 1914 – Мережковский Д.С. Полное собрание сочинений: в 24 т. Т. 8. Вечные спутники. М., 1914.

Павловская 2023 – Павловская О.А. Евангельский сюжет «Моление о чаше» в творческой интерпретации А.Н. Апухтина // Научно-исследовательская деятельность в классическом университете. Матер. науч.-практ. фестиваля. Иваново, 2023. С. 652–658.

Угрюмов 2014 – Угрюмов В.Е. Смыслы и ценности мировоззрения русского человека в произведениях С.Т. Аксакова. Новокузнецк, 2014.

Франк 1996 – Франк С.Л. Русское мировоззрение. СПб., 1996.

THE IMAGE OF CHRIST AND CHRISTIAN VALUES IN THE LYRICS OF A.N. APUKHTIN

G.M. Mamatov, V.E. Ugryumov
Novosibirsk State Technical University

The article explores the artistic embodiment of Christian values in the works of A.N. Apukhtin. Four main values are highlighted. Firstly, they appear in poems on military subjects. If in earlier texts the Christian God is the savior and patron saint of Russia and Russian soldiers, then in later works on the war with Turkey, the battle in the name of God is seen as an inhuman massacre that contradicts the first commandment of both Christ and Allah: *Thou shalt not kill!* Secondly, a number of poems on the episodes from the New Testament are dedicated to the Savior. In these works, the human principle is completely eliminated and the exclusively divine is affirmed in the figure of Christ, the spiritual ideal for humanity, the miracle of His Resurrection is seen as the beginning of the transformation of the world. Thirdly, the way of Christ, the crown of thorns and Golgotha are the personification of the path of the poet-prophet, the Savior himself becomes a symbolic "double" of the poet-in-the-world image, which continues the theme of A.S. Pushkin's poem "The Prophet". God is the force testing the poet. Fourthly, the opposition of the Father and the Son is studied. If Christ is the redeemer of the sins of mankind, "so that the world may be saved", then God the Father appears to be a punishing and merciless entity, testing the world with suffering and pain.

Keywords: A.N. Apukhtin, religious poetry, the image of Christ, Christian values, motif, New Testament subjects, symbolism.